

Вячеслав Малежик

Г
е
р
о
й
т
о
г
о
е
щ
ё
В
р
е
м
е
н
и

Вячеслав Ефимович Малезик

Герой того еще времени

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17043345
Герой того еще времени: «Издательский дом «Аргументы недели»;
ISBN 978-5-9906490-1-9*

Аннотация

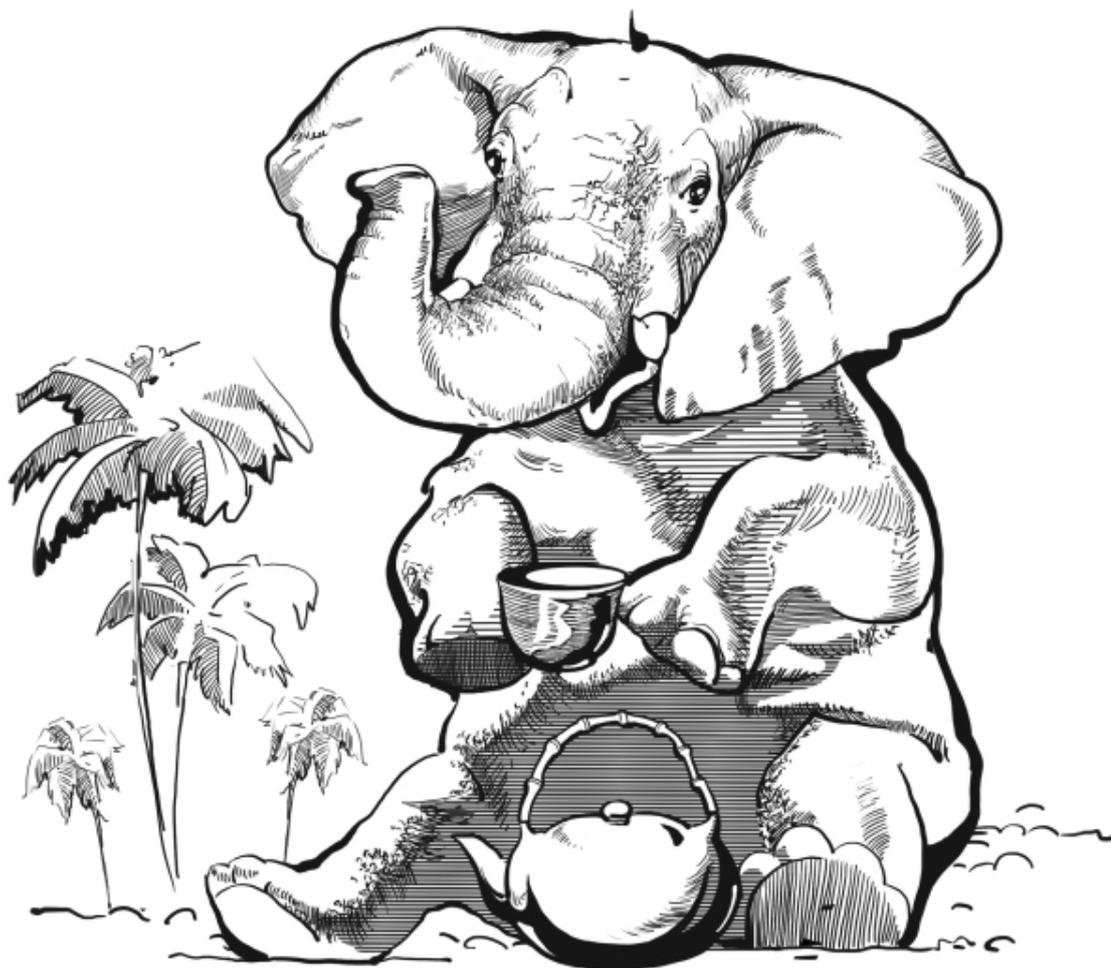
Наверное, Вячеслав Малезик неплохо учился в школе и не раз писал сочинения, раскрывая образы Онегина, Печорина и Андрея Болконского. Судя по всему, герои его новой книги могли бы пополнить когорту людей, не нашедших себя в социуме, но от этого не ставших менее симпатичными.

Хорошего настроения вам, наши читатели. Возможно, вы подружитесь с кем-то из героев того еще времени.

Содержание

Вступление	6
Герой того еще времени	7
Can't buy me love[10]	17
Стихи, когда есть чуть-чуть времени	25
Не заходит ко мне в гости...	26
Поздравление Д. Гордона[15] с днём рождения	27
Услышь меня	29
Дроздову	31
Селфи	32
Поживем мы взахлеб	33
А под крышей птицы гнезда вили	34
Жена должна быть	35
Созвездие Дрозда	37
Памяти Александра Смогула	38
Стихи на Пасху	39
Наине Величко	39
На отъезд Наины Величко	39
Бить или не бить?	40
Сердце мое пополам	42
Путь домой	43
Прорвемся мы...	44
Крымский рок-н-ролл	45
Баба Деня	46
Баба Деня и история семьи	48
Баба Деня и хорек	50
Баба Деня и пионер	51
Баба Деня и переезд в Москву	52
Баба Деня и телевизор	54
Чудная чудная баба Деня	56
Волки и телки	59
I	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Вячеслав Ефимович Малежик Герой того еще времени

Читать Малежика так же захватывающе непредсказуемо, как слушать его песни, – никогда не знаешь, какой сюрприз он преподнесет. Мозаика его вокального репертуара всегда неожиданна, музыкальная палитра настолько своеобразна, что ее не спутаешь ни с чьей другой, стиль исполнения резко отмежевывается от валового продукта неистребимо пошлой отечественной попсы. Такая обособленность называется оригинальностью. А может быть, интеллигентностью и интеллектуальностью?

Аналогично неожиданна и его проза. Того, о чем пишет Вячеслав, не встретишь ни в одной книге, ни у какого другого автора. Мир шоу-бизнеса? Нет, не только! Легко и естественно, как полюбившаяся мелодия, льется поток повествования, а за внешней безыскусностью – глубокое переживание о людях и знание этих людей, это плач о несложившихся судьбах, а порой и трагедиях, произрастающих из, казалось бы, не могущих иметь плохих последствий единичных поступков.

Подобный калейдоскоп отношений можно долго рассматривать, над ним можно бесконечно размышлять и колдовать – тасуя, складывая и получая новые сочетания. Но, может быть, самое главное: в разнокалиберной этой пестроте отчетливо прорисовывается характер самого рассказчика – тонкого, наблюдательного, ироничного, чуткого к мельчайшим деталям бытия и неявным порывам чувств – того Вячеслава Малежика, которого не разглядишь

в свете прожекторов на сцене, а увидишь в повседневных отношениях с друзьями и окружающим миром, иного Малежика, до недавнего времени неизвестного почитателям, а теперь открывшегося в литературной ипостаси.

Андрей ЯХОНТОВ

Вступление

Проблуждав долгое время по бескрайним просторам российской музыки и изрядно там наследив, я неожиданно оказался в незнакомой стране под названием Литература. Высокая поэзия и филигранная проза буйным цветом росли в этом благодатном краю. Седые, бородастые классики чинно проживали в добротном построенном здании всемирной литературы; молодые начинающие поэты и прозаики снимали себе дешевое жилье с надеждой написать какую-либо нетленку, чтобы она прославила их, дабы потом учебники литературы на своих страницах анализировали произведения новых властителей дум.

Но никто не встречал меня хлебом-солью, и лишь маститые авторы с любопытством разглядывали волосатого мужика с гитарой за спиной. На теплое местечко рассчитывать не приходилось. И я без оплачиваемой работы, без определенного места жительства скитался по незнакомой стране, пытаюсь заявить о себе, забывая, что названия мне «бомж» и «гастарбайтер».

И тогда я решил искать положительные стороны в моем нелегком положении. Не имея постоянного жилья, стал много путешествовать, не заботясь, где застанет меня ночь. Не получая серьезной зарплаты, я мог рассчитывать, что меня будут любить (если только это случится) женщины, и любить они будут именно меня, а не мой статус и мои деньги. Не имея в своем багаже популярных произведений, я смогу экспериментировать и буду иметь право на ошибку. Я буду жить не суесться и не спеша разложу свои воспоминания и мысли по полочкам.

Но дома, своего дома в Литературе, у меня пока нет, и куда повесить пресловутые полки, пока неясно. Поэтому, автор, собери в котомку свои идеи и чувства и отправляйся в СВОЙ ПУТЬ, продолжая блуждать среди людей, описывая события и приключения, поступки и чаяния.

Герой того еще времени

Какие сказки нам дарил
Московский бит, московский рок.
И я порой мед-пиво пил
И мысль укладывал меж строк.

И в дальни дали уплывал
Мой недостроенный корабль.
И я успех там собирал,
И вдохновенно девкам врал.

И шас, наверное, совру,
А что-то вспомнится не так,
Но есть возможность поутру
Стишки исправить натошак.

И, возвратясь из Интернета,
Я сел писать роман в стихах.
Тогда, я помню, было лето,
Волшебно лето на морях.

И вместе с группой в Коктебелях,
Герой наш рок-н-ролл играл.
И радостно девчонки пели,
Свой демонстрируя вокал.

А Горик, так зовут героя,
Через защитные очки
Искал, кого сегодня к морю
Он кликнет ножки помочить.

– Ах, милый Горик (он же Игорь),
Ну что за джинсы, что за статья...
С тобой одним, скажи, и мигом
Всю жизнь готова танцевать.

– Тур вальса, милая богиня,
Готов вам нынче подарить.
А завтра... Завтра будет видно.
Нельзя же, право, так спешить.

И спев на бис ударну песню
И морем смыв следы греха,
Они, довольные друг другом,
Прощались мило на-всег-да.

Уплыл июль, и жаркий август
На небе звезды запалил,
А Коктебель любовны флаги
Трепал с утра что было сил.

И вкус греха перчено-сладкий
Витал над лагерем, и вот
Закончен пересменок. Ладно,
Девчонок новый хоровод
Жилье на море обживает,

И, честно говоря, не знает,
Что ночью их грядущей ждет.
Открыты девичьи сердца,

Не потерять бы лишь лица.

В вечер сегодня Горик с группой
Готовы танцы вновь играть.
Guitar – наживка, голос, струны,
В порядке молодецка стать.

И по привычке в ре-мажоре,
Затянет группа «Drive my car»¹.
Ты – Бог, Ты – Леннон... Кто же спорит...
И вьется вдаль моя строка.

Не знал герой наш поражений,
И меч разил всех наповал,
И не терпел он чуждых мнений,
И даже как-то заскучал.

* * *

А героиня – бог-девица,
Принцесса голубых кровей,
Приехала в Москву учиться
Из-за взыправдошных морей.

Учиться танцам, ведь в Союзе
По танцам мы ого-го-гей;
Кто сразу стих не понимает,
То впереди планеты всей.

Страна, где выросла девчонка,
Не знала войн, не знала бурь.
Отец-король на личном троне
Подписывал такую дурь,

Что подчиненные в отчаяньи
Не знали, как им дальше жить.
– Ты – лучший! – все ему кричали, —
Нельзя же по течению плыть.

А он, от доброты смиренный,
В глаза с любовью всем смотрел.
И заговор друзей неверных
Под носом как-то проглядел.

---

¹ «Управляй моим автомобилем».

* * *

А доченька в Москве училась —
И па-де-де, и фуэте...
А в школе танцев все так мило:
Бордо, шампань и канапе.

Принцесса, взрослою девицей,
Семнадцати уже годков,
Такой, что нету просто слов,
Чтоб описать свеченье кожи,

Фарфоровый отметить стан.
Ну, в общем, я не вышел рожей...
Для вдохновения – стакан
Залить в себя, тогда, быть может,

Найду я нужные слова,
Но красоту такую негоже
Нам обсуждать... И так молва
О ней сложила в Коктебелях
Легенды, ах, читатель мой.

Пока группешник песни пели,
Все любовались только той,
Что танцевала, как богиня.
То был не танец, а полет.
И на кого свой взгляд поднимет,
Тому предъявит этот счет.

И каждый оплатить готов был,
Как на смотринах во дворце,
А Горик в такт тихонько топал,
Забыв улыбку на лице.

И спев последнее «е-е»,
Ансамбль замолк, готовясь снова
Запеть, как двое на траве
Укрылись небом, словно кровом.

И выстрел-взгляд, как солнца блики,
Направлен в Горика, а он
Зачем-то кем-то был окликнут:
– Давай сыграем роллингстон!

И «Satisfaction»² от души
Запел по-джаггеровски Горик,
А для принцессы свет туши.
Ах, Горик, горе, горе, горе.

И не заладился роман
В зеленых куцах Коктебеля.
И словно сладкий яд-обман,
Ее чудесный тонкий стан
Не стал для Горика тем зельем.

И он играл, и с кем-то ноги
Привычно в море обмывал.
Не будь, читатель, очень строгим,
Таких историй ты не знал.

А было то в далеко время —
Мы строили социализм,
Любили рок и ногу в стремя.
Ну, потерпи чуточек, плиз.

В столицу в сентябре вернувшись
И к будням в плен, мы, как всегда —
Работа, дождь, метро и лужи,
И прочая е-ерунда.

Принцесса? Да, наверное, Горик
О ней не думал, и всерьез,
Не вспоминал он и о море.
Ответ, я думаю, так прост,

Что долго объяснять не буду,
Как строим девушки прошли,
Которых было так нетрудно
Гитарой, песней соблазнить.

И вот однажды через месяц
Раздался поутру звонок:
– Привет, мы отдыхали вместе
Принцесса – я...
– Мой Бог...

– Я не могу тебе звонить,
В моей стране так неприлично
Смотреть и просто говорить
Для девушки... Так нетактично.

---

² «Удовлетворение».

– Принцесса, что вы? Я так рад.
Чем я обязан, и не знаю,
Хотите песню «Летний сад»
Я сочиню... и вам сыграю.

Понятно дело, каждый день
С принцессами он не гусарил
И чувствовал себя, как пень,
А был неглупый в целом парень.

Прошебетав еще о чем-то,
Она сказала наконец:
– У нас урок и там-то, там-то
Я буду ждать вас...

«Все, конец», —
Подумал Горик, что на хвост
Мгновенно сядет КГБ.
Да наплевать, ведь помню море,
Нам по колено, и не бэ³.

Ты сам хотел погорячей,
Ты пел, скажи мне, «Light me fi re»⁴?
Шагай по жизни, guu⁵, смелей.
Держи удачу крепче, парень.

И может, сдохнет КГБ,
Пока с принцессою гуляешь.
Но А и Б сидели на трубе,
И ты на каторгу шагаешь.

Пойдет ли милая тогда
В Сибирь, как жены декабристов?
И приговор тра-та-та-та...
И все-таки побриться.

Вам, Горик, надо... На свиданье.
Не каждый день вас приглашают
Принцессы... Что ж, пора.
Престиж страны на карте,
И ты – король азарта.

---

³ Не бойся.

⁴ «Зажги во мне огонь».

⁵ Парень.

* * *

Был холодный осенний вечер,
И они вспоминали лето.
Шарф накрыл ее зябкие плечи
И не дал никаких он ответов.

КГБ за ним не следил,
Что его чуть-чуть обижало,
Он трепался, что было сил.
Целоваться нельзя, пахнет скандалом.

Из державы в державу ноты протеста
Полетят, что же делать тогда?
Бедный Горик не знал, где найти себе место.
И сказал он себе: «Прорвусь, не беда».

Позвонил двум девчонкам, что помнили море.
И вернулся в разгульное лето.
– А принцесса-то лучше, так кто же спорит,
И потом зарубежная песня не спета.

Он назначил свиданье
Ей в семь на Ордынке.
И билеты заранее
В кино закупил.
И дивилась толпа:
Волосатый наш парень
С желтокожей красоткой куда-то пилил.

«Джентльмены удачи» кино называлось,
И жаргон на экране маршировал.
Да, принцесса в сюжете порой буксовала,
Не поняв про «моргала», про «шмась» и «завал».

И пустым Комсомольским проспектом
Он девчонку пешком провожал,
И опять все с тем же успехом
Горик милую не целовал.

И спросил он ее с расстановкой:
– Почему мне не смотришь в глаза?
И ее повернул он к себе так неловко,
Что принцесса ответила, щеки в слезах:

– Если женщина в нашей стране
Ищет взглядом ответ у мужчины,

То она не скажет вам нет,
Для отказа пропали причины.

Громче клятв и речей
Вам глаза все расскажут.
А меня? Если хочешь, то пей...
Репутация? Ах, неважно.

Горик как-то растерялся,
Редко с ним тако случалось.
Да, влюблялись, да, бывало,
Вот сюжетец, коих мало.

– А ответственность, поди...
Вдруг пойдет войною папка?
Ведь король он... Погоди,
Я внесен в его тетрадку?

Нет, делов не натворил.
Был, как дипломат, корректен.
И с принцессою не пил,
Не возил на флэт⁶ к Карете⁷.

Волю ручкам не давал,
Знаем ихние мы нравы —
Вечером поцеловал,
Утром в загс и под фанфары.

А чего я так боюсь?
Ведь пригожая принцесса.
Об заклад с кем хошь побьюсь —
Любит девка парня-беса.

Порулю я государством,
Может, заведу гарем,
И детей своих на царство
Посажу, ей-ей, затем.

Укреплю там мир и дружбу,
Базу в Азии создам,
Сыновей друзей на службу
Призову, трам-тара-рам.

Евнухи в моем гареме
Будут тоненько так петь.
Я солирую, я в теме.

---

⁶ Квартира.

⁷ Приятель героя.

Вам не нравится? Вас геть⁸!

Размечтался, не заметил,
Как дотопали они.
– Нет прекрасней вас на свете.
О, принцесса, ваши сны
Пусть вернут вас в Коктебель...
Боже ж мой, какой кобель.

* * *

А папашка проморгал
Бунт в евойном государстве.
Долго думать он не стал
И сбежал... А грозных санкций

Не успел вкусить народ.
Взят тайм-аут был на год.
А ООНы и Совбезы думают-решают,
Но как быть, они не знают.

* * *

А в Москве да на Ордынке
Грустный день прощания.
И друг другу по старинке
Пелись обещания.

– Я должна лететь, мой милый.
Родина в опасности.
Горик, собери все силы
И дождись, прекрасный мой.

– Как-то странно, о принцесса,
На войну вас посылать.
Не найду в Москве я места,
Буду всюду вспоминать.

Полечу я в Коктебели,
Брошу в море я письмо.
И оно к вам в колыбельку
Приплывет с вечерним сном.

---

⁸ Долой!

И тебя, моя принцесса,
Буду крепко я любить,
А гарему там не место,
Счастье вместе станем пить.

– Возвращусь в Москву с «Победой»⁹.
– Лучше с «Мерседесом».
– Ты меня дождись, отведай,
Все же я – принцесса.

* * *

Горик деву проводил,
Но не очень-то грустил.
Парню в рок-н-ролле
Не к лицу подобны роли.

И своим чередом
Потекли события,
Но об этом всем потом
Я спою в биг-бите вам.

---

⁹ Марка советского автомобиля.

Can't buy me love¹⁰

*За все приходится платить,
За газировку и за водку,
За милой легкую походку...
За все приходится платить.*

---

¹⁰ «Мне не купить любовь».

Он проснулся в полседьмого утра, надеясь что-нибудь по-быстрому проглотить и выскочить из дома до того момента, когда там начнется привычная утренняя кутерьма. Он давно уже жил на два дома и старался все дела, связанные с бизнесом, делать в Москве. А в Курске, где пятьдесят три года назад родился наш герой, а звали его Купчин Валерий, он построил дом, родил дочку, и на заработанные им деньги там был посажен сад, в котором каких только деревьев не было.

В общем он давным-давно выполнил предназначение мужчины и мог спокойно на досуге беседовать со своей совестью. Но полного комфорта в душе Валеры не наблюдалось, и он упрямо пытался доказать и себе, и окружающим, что его появление на свет было знаковым событием.

Для простого парня с курской окраины он сделал вполне успешную карьеру и с полным основанием мог надувать щеки, встречаясь с одноклассниками каждый год в последнее воскресенье мая. Автомобиль «Ауди-6», пусть купленный не новым (но кто знает, какой у него был пробег на момент покупки), имел вполне представительский вид, а дом (пусть Валера и влез в долги) говорил о достатке в семье.

Валера на этих встречах небрежно рассказывал о многотысячных сделках при поставке оборудования. Миллионные обороты его фирмы производили впечатление на одноклассников. Где и кем он работал?

– Я второй человек в иерархии нашей фирмы... К сожалению, кадровыми проблемами, – предупреждал Валера ненужные вопросы-просьбы, – занимается совет директоров, и мой голос один из... Конечно, могу замолвить слово, послезавтра я в Москву, забросьте мне свое резюме.

И все же Купчина терзало чувство неудовлетворенности и заставляло его срывать из Курска и рвать в столицу. Он убедил жену и окружающих, что, если он останется в Курске, то его бизнес может накрыться медным тазом, хотя его присутствие в Москве было вовсе необязательным. Он бежал... Бежал от жены, которая, раздобрев на достатке, располнела не только телом, но и душой. Валентина, или, как он ее называл в честь Дня всех влюбленных, Валентинка, задыхалась от безыдейности и безделья. Нет, дела по дому были, но они решались силами помощницы, которая за умеренную плату наводила шик-блеск-красоту. Старая подруга Джулька, собака дворовых кровей, была лучшей собеседницей Валентины, когда Валера по делам «службы» уезжал из города. У него (она это знала) в районе метро «Сокол» была съемная квартира, где он часто «проводил совещания», решая «производственные» проблемы. Валентина пару раз в неделю звонила вечерами туда и, услышав ровный голос мужа, успокаивалась, понимая, что он накормлен и переживать за него не стоит.

Она им гордилась, все подружки завидовали их дому и достатку. Вести разведывательную деятельность? А зачем? Вдруг что-то всплывет, и что потом делать с этими знаниями? Валера уезжал, и Валентина жила своей вполне устаканившейся жизнью. Замечу, кстати, что стакан, наряду с Джулькой, был ее верным дружкой. Она пила вечером, чтобы расслабиться, но пила не водку или вино, а пиво. А его вполне хватало, чтобы помочь телу и душе поудобней расположиться на диване перед телевизором, где в очередной раз разыгрывались детективно-любовные страсти. Джулька не терпела запаха пивного выхлопа, и Валентина не баловала ее вечерами разговорами. Вернее, Джулька не жаловала хозяйку своей компанией.

Дочка Валеры и Валентины Ирина уже достигла возраста, когда выходят замуж, и успела нагулять себе беременность. Ирка была недурна собой, но эта красота не могла стать основой ее будущего благополучия. Валера ее баловал, и «прикинута» она была, по курским меркам, прилично. Но вот с мужиком вышла промашка – какой-то неубедительный он был и без конкретных стремлений. Что она в нем нашла, было загадкой для всех. Он, а звали его тоже как-то неубедительно – Костик, был среднестатистическим, средненьким, средненьким,

среднезапоминающимся молодым человеком. Желал ли он Ирку в тот роковой (во всяком случае для Валеры и Валентины) вечер, тоже неизвестно. Но она понесла, и было уже поздно что-либо предпринимать. Валентина смиренно считала недели, а Ирка боролась с токсикозом. Костик же надеялся, что беременность (а вместе с ней и проблема) сама собой рассосется, и не очень загружал себя мыслями о потомстве. После школы он не работал и не стремился найти работу. Чего хочет в жизни, он не знал, и что такое хотеть, не знал тоже. Правда, иногда назойливые вопросы друзей возвращали его мысли к Ирке, но понимание того, что она – папина дочка, восстанавливало комфортное состояние духа. Деньги у Костики не водились, видно, климат в его карманах не способствовал этому... Так и жил...

Но вернусь к Валере. Так вот, он неторопливо отправился в ванную комнату, но по дороге решил заглянуть в свой, именно свой, уголок дома. В подвале Купчин сделал себе музыкальную студию. Студию, о которой он в юности не мог и мечтать. Увлечение рок-н-роллом, битлами и роллингами пришло в Курск позже, чем в Москву и Питер. Значительно позже... Уже в полный рост гастролировали по стране «Веселые ребята» и «Самоцветы», «Синяя птица» и «Поющие гитары», уже в Москве музыканты заслушивались зеппелинами и пепл, а в Курске старшеклассники учились играть на гитарах под «Алешкину любовь» и стареньких битлов.

Кто-то из них однажды принес в школу текст и аккорды песни «Can't buy me love», и Валера долго учил ее. Английского он не знал, поэтому его дружок Леха Костылев русскими буквами написал произношение слов песни.

Боже, как же трудно было потом выучить эту абракадабру... И в школе они собрали группу, и Валера играл на басу.

Как хотелось ему быть похожим на Маккартни. Снимаясь с группой, он надевал гитару как левша. А еще он мечтал о «Хофнере», басовом «Хофнере» – скрипке, как у Пола. И он купил-таки реальный «Хофнер» за реальные деньги. И теперь эта гитара висела в его студии на стенке. Под ней была прикреплена табличка с биографией баса, кто и когда ее покупал и перекупал и кто играл на ней. На стенах были еще различные раритеты, но «Хофнер» был главным, может, потому, что любовь Купчина к музыке и к басу была в нем жива.

Но это было значительно позже, когда он стал уважаемым человеком и бизнесменом, а гитара и прочие детские игрушки стали его всепоглощающим хобби. Какие-то инструменты он прикупил у Е. Хавтана, одна из гитар была куплена из коллекции И. Саруханова. Еще одна гордость Валеры – конденсаторный микрофон «Синхайзер» был приобретен у одного из московских спекулянтов. Этот микрофон в полном здравии был списан в лихие 90-е с фирмы «Мелодия», и в него точно пели все великие. Клавиши, бережно закрытые до поры до времени, стояли в углу и готовы были вступить в бой по первому приказу главнокомандующего.

Короче, он собрал приличную студию звукозаписи. Но Валера все откладывал запись. Он на всяких корпоративах переслушал множество музыкантов и понимал, что его курская команда не даст того качества, что он слышит по радио, а московские музыканты... А московские стоят денег, но это еще полбеды. Труднее их всех вместе собрать и спетировать программу, ту, что он придумал.

Купчин сочинял песни и хотел удивить ими мир. Он мечтал, чтобы о нем, выходец из Курска, заговорили не менее громко, чем о Жене Белоусове, этом попсовом мальчишке. Он помнил, что об ушедших или ничего, или хорошо, но ничего не мог с собой поделаться. Он должен переплюнуть творчество этого курянина, тем более что Женя не писал песен.

Недавно Валера познакомился с Олегом Завьяловым. Олег играл в группе Сергея Дроздова – легендарного певца и бас-гитариста, как и он. Выходец из «Синей птицы», Серега теперь ездит по стране с собственной группой. Олег обещал свести его с Малевичем и Вла-

дом Агафоновым. Валера верил в силу своего убеждения и очень надеялся на предстоящую поездку в Москву. Конечно, если эта «коза» Анька не разрушит его планы...

Он вышел из студии, зашел в ванную комнату и скинул халат. В зеркале во весь рост отразился загорелый мужчина, вполне статный, с заметной проседью на висках, с чуть намевающимся животиком. Довольный увиденным, Валера прыгнул под душ и быстро произвел все необходимые водные процедуры. Он чувствовал себя орлом, способным подвинуть кое-кого не только в бизнесе, но и в музыкальной тусовке. Снова вспомнил Аньку и в очередной раз решил, что она дура-девка и не знает, чего хочет.

– Ты будешь завтракать? – услышал он голос Валентинки.

– Да, я через минуту буду готов. Что-нибудь на скорую руку, хочу выскочить из города до пробок.

Валера оделся и прошел на кухню. Сев за стол, он проглотил яичницу, сыр и что-то там еще, попутно отвечая на вопросы жены, которые она задавала, заранее зная ответы.

– Все... Ну я рванул, – бросил Валера. Потом заскочил в комнату, где стояла собранная еще с вечера сумка (да, собственно, он ее и не разбирает).

Машина послушно ждала его во дворе дома. Он сел за руль, махнул на прощанье Валентинке рукой и, открыв пультом ворота, выехал в свой уже привычный путь в Москву.

Дела бизнеса в это утро интересовали Купчина постольку поскольку. А поскольку было таково, что участия Валеры в процессе зарабатывания денег не требовалось. Он ехал в столицу, чтобы встретить в аэропорту Аньку, его маленькую, его красавицу, его шебутную, беспечную девчонку.

Валера, будучи успешным бизнесменом, а он им таки был, позволял себе амурные увлечения. И женщины, пусть за его деньги, дарили ему ласку и не жалели слов, отдавая должное его щедрости. А он был видным мужиком и мог красиво угостить даму и дать ей почувствовать себя желанной. Кроме того, он неплохо играл на гитаре и пел, мало того – еще и сочинял песни. Правда, до сих пор Купчин не вошел в студию и не записал их, а так, если помнить, что это его хобби, он просто орел.

Валера не позволял себе влюбляться и держал своих женщин на дистанции. Как только кто-то, вопреки его желаниям, хотел остаться у него на ночь, в голове Купчина звучал колокольчик тревоги, и он «забывал» позвонить этой соискательнице в очередной раз. А еще, чтобы совсем себя обезопасить, он держал целую «команду» женщин, и они навещали его по графику, составленному им самим.

Валера выскочил из Курска и притопил... «Ауди» послушно набрала крейсерские сто сорок в час, и он включил свой любимый «For sale»¹¹ битлов. Он был старомоден и не стыдился этого. Даже рингтоны на телефоне были песнями великих британцев. Причем «любимая жена» звучала песней «Roll over, Beethoven»¹², а настоящая, Валентинка, кричала голосом Леннона «Help», что значит «На помощь».

Валера смело нарушал скоростной режим, все менты на трассе, считай до Орловской области, были знакомы и прикормлены. Он любил дорогу... Она его успокаивала, давая возможность уехать от домашних курских проблем и не въехать еще в московские. Купчин привычно отмечал неубранные целлофановые пакеты вдоль обочин дороги. Невольно вспомнилась поездка в Беларусь, где Батяка навел идеальный порядок в городах и на магистралях. Но яркая сочная зелень раннего лета скрывала недостатки, и дорога, повторюсь, успокоила его.

Битлы запели «I'm a looser»¹³. Валера знал значение этого слова и задумался о степени удачливости своей жизни. Материальный достаток, да, он, конечно, греет. Но человек живет

---

¹¹ «Для продажи».

¹² «Катись отсюда, Бетховен».

¹³ «Я – неудачник».

еще и духом. А в этой области не все пока завоевано. Женя Белоусов... Пока он еще не доказал всем, а главное себе, что может переплюнуть этого курского парня, только потерпите... Решив, что за ценой не постоит, он начал мечтать, как назовет альбом своих песен, где будут играть крутые музыканты в качестве сессионных.

Впереди замаячил гаишник, поднявший жезл, чтобы остановить Валерину «Ауди». Купчин притормозил и съехал на обочину. К нему неспешной походкой, отработанной за время службы в органах, направлялся знакомый сержант.

– Здорово, Валера!

– Привет, – ответил Купчин. – А ты сегодня в ночь?

– Да. Сейчас уже домой. А ты снова в Москву? Небось, к телочке?

– Левак укрепляет брак, – отрапортовал Валера.

– Ну давай-давай, только не гони, трасса сегодня будет сложная.

– И тебе хорошего дня.

«Ауди» тронулась и вскоре покинула зону ответственности курского ГИБДД. «For sale» тем временем закончилась, и зазвучала старая пластинка «Веселых ребят» – «Любовь – огромная страна». Молодые голоса, живая игра, песни, те старые песни, которые когда-то взорвали мозг и душу. Как быстротечно время – вот уже нет Барыкина и Лермана, и Боря Богрычев тоже умер. Но, может, посчастливится сыграть вместе с Малевичом и Дроздом, а если бы еще и Алешин! Конечно, на хрена им петь мои песни, если и Дрозд, и Слава свои сочиняют? А вдруг... Собрались же вместе Рой Орбисон и Харрисон, Том Петти и Боб Дилан. Это у них, а у нас все измеряют, у кого шире галифе.

Вот бы их собрать, да пусть за мои деньги, пусть поют свои песни, ну а вдруг согласятся одну мою спеть... Как там у Пушкина? «И буду тем любезен я народу...» Если бы такое дело перевернуть, а ведь если кто-то из них увлечется этой идеей, так они могут кого-то и сами сагитировать, к примеру, Лозу или Подгородецкого. Ладно, хоть помечтаю...

Из колонок зазвучал голос Лермана – главного на момент записи солиста «Веселых».

Я к тебе не подойду.

Я к тебе не подойду.

И ты ко мне не подходи.

Мысли занозой вернулись к Аньке. Молодая, красивая, даже очень красивая, статная деваха последние полгода разрушала его. Как он мог это допустить? А ведь именно он позволил ей так беззастенчиво хозяйничать в его душе.

Все начиналось прозаично и романтично одновременно. Его партнерша по бизнесу из Нижнего Новгорода Лариса Ставрогина однажды привела с собой на корпоратив свою дочку, шестнадцатилетнюю девочку, которая обещала вырасти в красавицу. Но ведь черт не поймет, что с этими девчонками происходит в этот период. Какие-то гормональные взрывы, в общем, полный бедлам и сбоку бантик. Ну да, он там пел, чего пел, не помнил, но чтобы поразить душу девушки вот так бесповоротно... Не хотел, честно, не хотел. Но случилось... Что у нее там щелкнуло, он не знает...

Купчин еще несколько раз приезжал в Нижний и почему-то каждый раз сталкивался с Анькой. Он все же взглянул на нее мужским взглядом, но потом вспомнил, что она еще школьница и отогнал от себя наваждение. Но наваждение настигло – и уже давно – девочку Аню. А женщина, если она что-то вбила себе в голову, редко отступает от намеченной цели. Валера был уже на мушке, а нежный пальчик Ани – на спусковом крючке. Произошла сцена соблазнения и лишения невинности. Причем классические каноны соблазнения были нарушены с точностью до наоборот.

Однажды Анна пришла в номер нижегородской гостиницы, в котором остановился Валерий. Это было утро, и Валера открыл дверь на стук, решив, что пришла горничная. На пороге стояла Анька в короткой юбке и прозрачной кофте, которая демонстрировала все ее прелести. Босоножки на каблучке завершали наряд соблазнительницы. На Купчине же были надеты какие-то необязательные одежды, которые не греют, а не мешают спать. Он пригласил ее в комнату и пытался не смотреть туда, куда смотреть как раз хотелось.

Анька начала планомерно осаждать редуты Валерия. Поначалу он сопротивлялся, но она была настойчива и что-то говорила о том, что важно сделать это в первый раз именно с любимым и опытным мужчиной. И что она всю ответственность берет на себя. Валера говорил про чувство долга и про маму Ани, с которой у них совместный бизнес. Но все его аргументы убивала его легкомысленная одежда, которая, как он ни старался, не могла прикрыть его желания. И это было главным доводом девушки. И она его дождала... Пылкое объятие Аниных рук, и Валера бежал, позорно бросая на поле боя тяжелые и легкие орудия, конницу и пехоту...

– Я так об этом мечтала, – сказала Анька, когда они, отдышавшись, осмысливали произошедшее. Валера чувствовал, что над ним «надругались», но это ему понравилось.

И закрутилось... Девушка решила поступать в московский вуз, и он вызвался быть финансовым гарантом ее обучения. Анька, еще соблазняя его, говорила, что в своем будущем, она Валеру не видит. Дескать, он для нее наставник, учитель, гуру, в общем, старший товарищ. И с первого дня Валера был посвящен во все любовные переживания своей нимфетки. Они продолжали интенсивно встречаться в Москве на «Соколе», в его съемной квартире. Молодая оказалась способной ученицей и вот уже сама дирижировала процессом, удерживая Купчина от нетерпеливых телодвижений.

Однажды Анька сказала, что маменька знает об их отношениях и совсем не отговаривает дочь. У нее, похоже, тоже когда-то был опытный наставник, и в этом она, Лариска, значит, не видит ничего плохого. А папенька, тот и вовсе сказал, что, проходя «курс молодого бойца» с Валерой, она не научится ничему плохому, во всяком случае, на наркоте он ее не посадит.

Валера все это принял к сведению, и у него выросли крылья. А самое главное, что Анька не хотела за него замуж. Он расслабился и не заметил, как влюбился. И вот уже Анька ревниво выслушивает звонки по его телефону, и он скрывает... Да чего там, всех баб из его записной книжки, Нюта, как он ее, особенно во время этого дела, величал, выжила и стала рулить им с девичьей жестокостью. Она уже не просила, а требовала и иногда уступала.

Но Анька была похотлива, и это спасало Валеру, потому что он уже не мог отказаться от сладкого. Но это же качество сводило его с ума. Он в пятьдесят три почувствовал, что такое огонь ревности. Он еще не опустился до того, чтобы влезать в ее почту, но фантазия рисовала ох какие картинки. А ей это было и надо. Нюта, Анька, девочка его, питалась энергией, выделяемой Купчиным во время сеанса очередного приступа ревности. Она не читала, к счастью, «Отелло» и потому не знала, что бывает с девочками, если они не помолились перед сном. Зато Аня посмотрела «Лолиту» по телевизору и была вооружена самыми современными знаниями. Она на голубом глазу злила его, рассказывая о женихах, якобы для того, чтобы получить квалифицированный совет. И лишь доведя его до крайней точки, вдруг меняла интонацию и, целуя, говорила:

– Мой Гумберт, как я тебя люблю, какой же ты маленький, мой старикашка.

А еще Валера «учился» с ней в институте, осваивая высоты бухучета. Иногда она капризничала и говорила, что эта наука ей не дается никак.

– Реши вопросы, милый, – ворковала она.

– Ты меня отправляешь в свой институт, как на заказное убийство.

– На заказное, на заказное, – шептала она, змеей проникая в его брюки.

И он шел в институт и решал пресловутые вопросы. Это было нетрудно, так как существовали жесткие расценки, и если к делу относиться с юмором, то особых моральных потерь можно избежать.

Валера не был скуп и тратил приличную сумму из своего бюджета на капризы и подарки для милой. Но это была цена любви, его любви, как он считал, может быть, последней в жизни.

Он ей часто пел, и Нюте откровенно нравились песни, которые он придумывал. Она его торопила с записью, повторяя, что ей хочется быть девушкой поп-идола. Несколько песен он написал для нее, и она твердила, что этот альбом будет только ее.

– Я сфотографируюсь для обложки обнаженной, и ты назовешь альбом «Ню-та».

– Конечно, конечно, дорогая. Та еще Нюта, – отбивался Валера.

А в этот раз Анька уехала отдыхать со своей подружкой в Турцию. Он проплатил ей пятизвездочный отель в режиме «все включено» и дал еще денег на карман. И вот она десять дней не отвечает на его звонки, он весь извелся, мучаясь в безинформационном пространстве.

И вдруг приходит смска с текстом: «У меня все отлично. Нюта».

– У нее все отлично... А у меня? А у меня так, что гоню время ее прилета и ругаю себя последними словами, что отпустил одну в этот вертеп с аниматорами и рукоблудами. А еще говорят, что женщины помнят своего первого. Короче, первый пошел... Куда пошел? Да, пошел, куда пошлют.

Незаметно пролетела дорога... «Веселых ребят» сменила «Синяя птица», и снова битлы... В автомобиле зазвучал «A hard day's night»¹⁴. «Ауди-6», которой рулил Валерий Купчин, подъехала к аэропорту «Домодедово». Вдруг, будто кем-то нашептанная, всплыла фраза: «За все приходится платить». Валера съехал на обочину, поставил телефон на режим «диктофон» и с места наговорил целую строфу будущей песни:

За все приходится платить,
За газировку и за водку,
За милой легкую походку.
За все приходится платить...

Ему понравились придуманные строки, и он тронулся в аэропорт, где вот-вот должен был приземлиться самолет из Анталии. Валера ткнул проигрыватель, и битл Пол закричал:

Can't buy me love,
No, no, no, no.

А это означало – мне не купить любовь...

---

¹⁴ «Вечер тяжелого дня».

Стихи, когда есть чуть-чуть времени

Не заходит ко мне в гости...

Не заходит ко мне в гости музыка,
Не поют под пальцами струны.
И компьютер почему-то не грузится,
И портрет твой я куда-то засунул.

Вроде все вокруг – как надо, как водится.
Тушку солнцу подставлял, море радовал.
По привычке взгляд бросал в девок-модниц я.
Но не пенилась душа, как заказывал.

И вина испил с тоски, только без толку.
Не поет струна, что же делать с ней?
И крутился я весь день рыжей белкою.
По стаканам, дождь, ты тоску разлей.

И чегой-то всем я тоски налью?
Ишь, добряк-мужик, ничего не жаль.
Да таких, как ты, не жалеют – бьют.
А в суровых буднях закалялась сталь.

Подожду чуток, соблазню гитар,
И споет душа с ней на пару блюз.
Наконец реши – стар ты или суперстар.
Ну, а если заболел, выпей терафлю.

Поздравление Д. Гордона¹⁵ с днём рождения

К великой радости хохляцких президентов
Гордон взорвал демографически страну.
Как здорово, что в сладкие моменты
Саперы зачитались твоей книгой... Ну и ну.

* * *

Я пытался не фальшивить.
Иногда и получалось.
Ну, а если было пиво,
Часто пел я как попало.

Иногда писал стихи я:
Рифма, ритм и смысл – что надо.
Но порою не с руки мне,
Получалась дрянь-шарада.

Я ругать свою жизнь не буду,
Желчи много: пей – не жалея.
И обиды сваливать в грудку
Что за смысл? По стаканам разлей

Эту жизнь, кое-что там осталось,
Хватит мне, чтоб еще захмелеть.
Всем налить? Всем, пожалуй, что мало.
Если мало, могу еще спеть.

Моя песня на жизни настояща.
Забирает, а как ты хотел?
Ведь тропинок, дорог столько пройдено,
Что устанешь листать, всего-то и дел.

И сгоняет кто-то пусть за добавкой,
Молодым-то у нас дорога.
Ну а мы соберем к завтра справки,
Что на пенсию, я шучу, ради Бога.

Что ж теперь, от чужого пира
Захмелеть? Вот вопросик.
Или пойти с котомкой по миру.
Я когда-то был чемпионом по кроссу.

---

¹⁵ Дмитрий Гордон – главный редактор киевской газеты «Бульвар Гордона», отец четверых детей.

А ругаться на мир от злости
Я не буду, это для слабых.
Жизнь течет чередом, это просто
«200 лет» распевает табор.

Услышь меня

Чуть-чуть улыбки,
Немного слез.
Заплачут скрипки
Под тенью звезд.
Родится песня,
И о любви
Споем мы вместе,
Я и ты.

Чуть-чуть потери
Среди побед,
Но надо верить,
И счастью вслед
Родится песня,
И о любви
Споем мы вместе,
Я и ты.

Немного блюза,
И ты моя.
Умеешь слушать —
Услышь меня.

* * *

Мы спасались от одиночества,
Находя этот сайт по закладке.
Приносил я туда свое творчество
И сбегал к вам порою украдкой

От тоски, от забот, от неволи,
Чтоб найти там просто участие.
И лечили меня вы от боли,
И спешил я к вам в поисках счастья.

А когда мы единым строем —
Нам не страшен сам черт, понимаешь.
Александр ЭСЭМЭЛ¹⁶, и не стоит
Обижаться на девушку Майю¹⁷.

---

¹⁶ Ник постоянного посетителя гостевой книги на сайте www.malezhik.ru.

¹⁷ Ник постоянной посетительницы этого сайта.

Может, лучше назначить вам встречу.
Выпить кофе, послушать Малежика.
И укроет вам музыка плечи.
С Новым годом! Люблю вас, как прежде.

Дроздову

Холодно без тебя на Земле, неуютно,
Вот хохлы опять за власть подрались.
А мы нынче помянем тебя без занудства,
Не любил ты грустить. Только не злись,

Что опять одни выпиваем,
Я же помню, пьянел от компании ты.
Анекдотов нальем тебе, только ты знаешь,
Не успеешь до вечера, так позвони.

Интересно, Серег, у вас в Интернете
Диск «Последний» – его можно скачать?
А еще Олег¹⁸ обещал разозлиться и к лету
Тройку песен твоих и моих записать.

Выпью я за тебя, за тебя – музыканта.
Знал всегда ты, что хочешь сыграть
и услышать.
А подвластны тебе были рок и соната,
А друзьям ты всегда был и домом,
и крышей.

---

¹⁸ Олег Завьялов – музыкант, друг С. Дроздова и В. Малежика.

Поживем мы взахлеб

Невеселые мысли я выгнал за дверь,
А они в окно норовили вернуться.
Я «цыганку» с заходом для кайфу запел.
И еще, и еще я мечтал улыбнуться.

Чтоб улыбка моя отразилась в тебе.
Позабудь, что со смогом нет сладу.
И продолжу черед я бед и побед,
А «цыганка» с утра звучит даже складно.

И закружимся в танце мы, что наша жизнь!
Мы станцуем ее – жги меня, музыкант!
Эй, подруга, что можешь ты, покажи.
Горячей, горячей, в масть ложится строка.

Поживем мы взахлеб, а «фанера» – отстой.
От нее, как в цинге, вылетают все зубы.
Новый день начинается там, за горой,
И противиться этому, милая, глупо.

А под крышей птицы гнезда вили

Затянулась моя черная полоска,
Вместо зебры получается корова.
Все вопросы раньше разрешались просто:
– Не волнуйся, Слава, все готово.

И катался я по жизни сочно, ярко.
Хлебом-солью нас снабжали полустанки.
Что-то жизнь не дарит нам подарков.
И засохший на столе букет, и пива банка.

Мир таращит глаз на Олимпиаду.
Ты-то кто – участник или зритель?
На Майдан хохлы идут, и нету с ними сладу.
Может, и тебе не песни петь, а митинг,
Где-нибудь устроить и со смыслом
Речи говорить и несогласным
Быть и рисовать плакаты?
Боже мой, и как же классно
Иногда от счастья плакать.

И заплаканную щеку для удара
Подставлять – сильнее бей, вражина.
И в пылу борьбы забыть, что утром старым
Чувствовал себя орел-мужчина.

Явки, стрелки, встречи в Интернете.
Раздробил для боя мостовую.
А гитара? Перед нею я в ответе.
Лучше заключу с ней мировую.

И спою о хлебе и о доме.
Как любил и как меня любили.
Был я на экскурсии в Содоме.
А под крышей птицы гнезда вили...

Жена должна быть

Жена должна быть сухой у поэта.
Капризной, взбалмошной, тиранкой.
А за окошком догорало лето,
Искрились чувства, как алмаз в огранке.

И, как фельдфебель, поутру
Она супруга на развод¹⁹,
Вечернюю продлив игру,
Построит мигом, вот...

И ты – «мой дрессированный щенок» —
Ей лижешь руки, ловишь взгляд.
Поешь Вивальди или рок
И ждешь с надеждою наград.

И в унисон поет квартира,
И в терцию поет наш кот.
Ну отпусти меня ты с миром,
Ну что же делать, коль не я
Когда-то песенку придумал «Плот».

* * *

Когда-то мне снились песни,
Когда-то приснилась мне ты,
Но с тобою давно мы не вместе,
А секрет твоей красоты

Не разгадал я, а, впрочем,
Просто ты нравишься мне...
Расстались мы – многоточие,
Но ты приходишь во сне.

Тебя дописать не сумел я,
Хотя ты живешь во мне.
И я по жизни несмело
Шагаю, блуждая во тьме.

Ты где-то, как птица, летаешь,
А я самолетом в Москву.
Твой адрес – окраина рая,

---

¹⁹ Имеется в виду развод солдат.

А я себя в клочья рву.

Созвездие Дрозда

*18 ноября 2012 года не стало замечательного человека, певца,
музыканта и солиста ансамбля «Синяя птица» Сергея Дроздова.
Это стихотворение написано к годовщине со дня его смерти...*

В созвездии Дрозда сегодня будет шумно
От взглядов телескопов... Серега, песню жги!
Мы подпоем тебе, не смей ты даже думать
О грустном... Все потом... Печаль нам не с руки.

А песни, словно дети, фамилию Дроздова
Прославят, славься, музыкант.
А Бог тебя отметил, сначала было слово,
А музыка, Серега, – надежнейший гарант.

И мы с тобой сверяем свои дела и цели;
Спасибо, что так планку ты поднял высоко.
Шагаем мы по жизни, пока что уцелели,
И вдаль бежит дорога далеко-далеко.

17.11.2014 г.

Памяти Александра Смогула

Он умел «взять на грудь»,
но в груди столько места,
Что и в радость, и в горе,
как в церковь, – к нему.
Но по жизни летели мы
все в темпе presto²⁰,
И о чем-то жалеть нам
теперь ни к чему.

Правда, жаль, что порой
до тебя не доехал...
Твое Свиблово²¹, Шурик,
живет черте где.
А сегодня, Смогул, честно,
нам не до смеха —
Ты назначил нам встречу
на Синей звезде...

Ты всегда был шутник,
только нам не до шуток,
Как нам жить без тебя,
без улыбки твоей?
– Старичок, ты неправ, —
я услышу как будто...
Ты пришел без звонка
и стоишь у дверей.

– Что, не прав я, Сашок?
Ведь терять – это больно,
Чередую потери,
где силы искать?
– Потерпи, старый друг,
без перца и соли
Жизнь скучна...
Бог поможет правду сыскать!

1 января 2015 г.

---

²⁰ Быстро.

²¹ Район Москвы.

Стихи на Пасху

Наине Величко

Подарила мне Наина Величко
На Пасху крашено яичко,
Исписанное сплошь стихами,
И пусть оно побудет с нами.

Пока мы живы, пока мы любим,
Для поцелуя открыты губы.
И пусть яичко духовной пищей
Накормит нас и не будет лишним.

И пусть завидуют владельцы
Яиц алмазных Фаберже.
В среде из знаковых умельцев
Ты находишься уже.

Хотелось срифмовать мне с Фаберже
Фривольную одежду неглиже.
О, как она тебе идет...
Раздухарился что-то... Вот.

На отъезд Наины Величко

В день рождения Ленина
Как покинуть нас посмели вы?

Прчань, 22.04.2014

Бить или не бить?

Я прилетел в Тиват из Москвы. Из Москвы, где длинный, бесконечный сериал про Украину наполнял и даже переполнял жизнь. Жизнь, которую ты не мог изменить, но за которую ты был в ответе. Так казалось тебе... И ты ловил новости из Украины, и ты писал песни на злобу дня, и ты был Гражданином, болевшим за страну и за соплеменников. Ты решал, кто прав, а кто неправ... И ты во всех случаях ошибался. Все были неправы, и ты в том числе...

Да, люди пошли против Бога и переступили черту, которую обозначил Господь, и мир перевернулся. Перевернулся, и нет времени, чтобы понять, зачем, почему и во имя чего? И никто не вспоминает Твои заповеди, Господи, и никто не решает проблему – бить или не бить?...

Бедный Шекспир, твое «быть или не быть?» тысячу раз произносили со сцены, но это не научило людей, и они с такой легкостью отвечают утвердительно на твой вопрос, меняя

всего одну букву в глаголе. И за азартом драки забывают о любви, о красоте, о Боге... Хотя слово «Бог» вмещает в себя все эти понятия разом...

Но пока некогда остановиться, некогда подумать, некогда удивиться и восхититься жизнью, которую ты отнимаешь у кого-то или отнимают у тебя. И вот ты уже умираешь во имя «свободы», во имя «Отчизны», во имя «языка» и еще черт знает во имя чего, что тебе навязали, заменив понятие Бога, понятие жизни.

И тревожно звучит колокол на соседней церкви, созывая прихожан на вечернюю молитву. Но ее не слышат те, кто старые автомобильные шины кинул в адскую печь революции. И, как на кострах инквизиции, горят души инакомыслящих, взывающих к миру и покаянию.

И вечные горы Которской бухты смиренно смотрят на мои страдания, отдавая себе отчет, что этот парень должен пройти через это, чтобы понять, простить и принять.

Сердце мое пополам

Трещали чубы у холопов,
Ругались паны на Майдане.
Ежевечерне Европа
Смотрела кино на экране.

И жито ночами горело,
И строем шагали вопросы,
И как же легко быть нам смелым,
Ответов ведь нет, все так просто...

Сердце мое пополам —
Предчувствие гражданской войны.
На небе получим сполна,
Дожить бы нам всем до весны.

Струна от гитары удавкой,
Я знаю, быть не желала.
Но как высоки нынче ставки,
А избранным денег все мало.

Может, мы все нагрешили,
И ангелам к нам не пробиться?
Может, неправильно жили?
В ответ полыхала столица.
Сердце мое...

Под маской не видно щеки.
Что же подставить врагу?
Наотмашь бить не с руки.
Мозги превратились в рагу.

И черное знамя от дыма.
Анархия, а не свобода.
А кто-то айфоном все снимет
Забыв, что в огне нету брода.
Сердце мое...

Путь домой

В далекий поход наш корабль снарядили,
Не зная куда, познать что почем.
И мы ненароком в пути заблудились,
Но подпирали друг друга плечом.

Туманы, торосы и злые наветы
Пытались надежду нашу сломить.
На тыщу вопросов нашли мы ответы,
Свет вырвал победу в финале у Тьмы.

Свет маяка, знакомый причал.
Сколько же глаз встречает в порту?
И пусть ты в походе немного устал,
Но знал, что тебя здесь ждали и ждут.

Путь домой.
Дым отечества, словно маяк.
Путь домой.
Мы скучали, мы вместе – семья.
Вместе радость и горе,
И беда – не беда.
Пьем за счастье, кто ж спорит.
И не трусь никогда.

Прорвемся мы...

Прорвемся мы, куда, не знаю,
Но думаю, что к лучшей жизни.
И беженцы собрались в стаю.
Пора лететь домой, к Отчизне.

Крымский рок-н-ролл

Когда-то открытые двери Джанкой
Держал круглый год нараспашку.
И ты решал вопрос свой простой,
Куда бы махнуть, где же краше?

Ялта, Алушта, Алушка,
А может быть, Симеиз?
А в Коктебеле какая-то группа
Играет битлов – зашибись.

И разбредались по Крыму друзья.
Ночлег – не беда, мигом сыщем.
И стол, чтоб вино, чтобы ты, ты и я.
Чтоб зрели греховные мысли.

И мы вспоминаем, чтоб выстроить вновь
Маршрут по любимому Крыму.
И плещется в скалах богиня Любовь,
И море необозримо.

Баба Деня

Как часто слышишь, что мужчина ищет жену, похожую на мать. Но недавно, перебирая старые фотографии, я наткнулся на снимок моей бабушки, матери моей мамы, в день ее замужества и остолбенел... Евгения Никитична Петрова, в девичестве Коняхина, на этой фотографии была копией моей жены Татьяны, в пору ее студенчества, когда она играла в одном из спектаклей школы-студии МХАТ. Такой же высокий лоб, волосы, чуть вьющиеся, гладко зачесаны назад; ясный, уверенный взгляд лучистых глаз (фотография была черно-белая, даже коричневато-белая); рельефно очерченные губы и волевой подбородок контрастировали с еще плавным, по-девичьи нежным овалом ее лица. И, разглядывая старую фотографию, я был поражен статью бабушки и скромностью ее платья, застегнутого на все мно-

гочисленные пуговицы и делавшего ее такой целомудренной и загадочно-привлекательной одновременно.

И если моя жена, окончившая ко времени поступления в театральный вуз все, что надо, несла на себе отпечаток знаний и жизненного опыта, то бабушка была неграмотной крестьянкой, которая через семь дней после начала обучения, обидевшись на учителя, ушла из школы и больше уже не возвращалась. Откуда в ней все это было – я не знаю. Более светлого человека я в своей жизни не встречал...

Сказать, что она была шибко верующая, не могу... Что шибко грамотная – тоже... Нынешние семилетние мальчики и девочки при поступлении в школу лучше нее пишут, читают и считают, но вот поди разберись... Когда я в первый раз услышал анекдот про то, что царица Екатерина в слове «еще» сделала пять ошибок, я не рассмеялся, потому что моя бабушка сделала бы шесть...

Она вела свое хозяйство и делала какие-то записи в тетради, но разобрать написанное могла только она сама... И вот ведь как бывает – когда речь заходит об интеллигенции, я часто вспоминаю свою бабушку Евгению Никитичну Петрову, которая жила по Богу, не делала никому и никогда того, чего не пожелала бы себе, и за это ее любили все, с кем сводила судьба. А ее домашние животные порой даже ревновали к нам бабу Деню.

Баба Деня и история семьи

Собственно, Евгенией Никитичной, как по паспорту звалась моя бабушка, ее никто не называл. Ну совсем редко, когда кто-то хотел показать окружающим, что он зело городской, звучало полное ее имя. Чаще всего «тетя Женя» или «бабушка Евгения» можно было услышать из уст уехавших на ПМЖ в Тулу или Серпухов бывших занинских жителей. Ну очень хотелось им подчеркнуть, что они по статусу выше деревенских. А еще, чтобы это все увидели во время своих посещений нашей деревни, они одевались в домашний, но «чисто конкретно» городской халат и домашние же тапочки. И в этом наряде степенно прогуливались по деревне, вызывая в глазах общественности смесь удивления и недоумения.

А так для нас с сестрой она была бабушкой, для родителей – мать, а деревенские ее звали либо Евденька, либо баба Деня – это смотря кому сколько лет. Думаю имя Евгения, Женя было для деревни редким, и как-то незаметно буква «Г» превратилась в «Д». К этому все привыкли, и я в детстве еще долго не мог понять, почему баба Деня по документам Евгения.

Хотел написать – по паспорту, но вспомнил, что у колхозников паспортов не было. Вот и верь после этого, что крепостное право у нас отменили в 1861 году.

А трудились на селе тяжело, да и не зарабатывали крестьяне практически ничего. Полный трудодень, который стоил 40 копеек, пару килограммов картошки и не помню, сколько пшеницы, не выплачивался никому, ну, может, председателю колхоза. Обычный человек, отработав от восьми утра до семи вечера с перерывом на обед и дойку коровы, получал двадцать пять сотых трудодня. Вот так. Вся надежда была на корову и на приусадебный участок. Но вернусь к своему повествованию...

Семейная жизнь у бабушки, наверное, не сложилась. Почему? Правды мне маленькому никто не говорил, а если судить по фактам, то после Гражданской войны мой дед, Иван Матвеевич, уехал в Москву на заработки и в деревню к молодой жене возвращался лишь на выходные и в отпуск. Он работал закройщиком в кремлевских мастерских. Процесс его продвижения по службе никогда в доме, во всяком случае при мне, не обсуждался, и как он достиг таких высот, обшивая первых лиц государства, мне неизвестно.

Правда, в семье была легенда, что однажды Иван Матвеевич и его команда шили китель для самого товарища Сталина. Китель был готов, его нужно было только отпарить утюгом. И гладильщица по разгильдяйству оставила старый – еще чугунный, на углях – утюг на кителе, отвлекшись от процесса глажки. Вернувшись к столу, она обнаружила на рукаве мундира пятно, в точности повторяющее очертания утюга. Спасти китель не удалось. И тогда в течение вечера и ночи был закуплен материал и сшит новый костюм. Работу приняли, и даже страшно думать, что было бы, если бы... Вредительство – это, наверное, был бы самый мягкий приговор.

А вскоре дед забрал в Москву и мою маму. Бабушка осталась в деревне одна, у нее были большое хозяйство (сад, огород, всякая живность) и дом, за которым нужен был присмотр. Что уж там случилось в тридцать седьмом году, я точно сказать не могу, но деда забрали соответствующие органы... Мама говорила, что он рассказал политический анекдот, кто-то стукнул... Я думаю, что причиной были зависть, ревность к успехам, а там уж Бог свидетель, что было...

Дедушка умер на Колыме в сорок третьем году, но почему-то мне несколько раз снился один и тот же сон, что я был на его похоронах в Занино. И хотя его похоронили в ссылке, каждый раз детали этого действия совпадали.

Однажды, а я уже учился в десятом классе, бабушка, перебирая вещи в сундуке, обнаружила и показала мне одежду из гардероба Ивана Матвеевича. Это был костюм из ткани

невиданного мною табачного цвета с какой-то жилеткой в искорку. Летние брюки цвета слоновой кости в тонкую полоску рождали мысли о Рио-де-Жанейро. Но вот беда – дед был значительно ниже меня ростом и шире в поясе. А я чуть не захлебнулся слюной от зависти, когда бабушка все это снова убирала в сундук.

Бабушка так замуж и не вышла, хотя была хороша собой и хозяйство знатное имелось. Отсутствие в доме мужчины, а может, и арест мужа сделали ее несмелой, я бы даже сказал, пугливой. Бесправие, которое царило в деревне, не добавляло уверенности, а долгая, темная, холодная зима выматывала все нервы и силы. Часто с приближением осени бабушка и мама обсуждали проблему, как жить, если зимой уведут корову или разграбят ульи. Пожаловаться? Но даже если ты знаешь, кто это сделал, страшно – сожгут дом.

И наступала длинная, беспросветная зима, которая была заполнена делами по хозяйству – поросенок, корова, потом теленок – и всех накорми, за всеми уברי. А самая трудоемкая работа – это натаскать воды из колодца для скотины, себя и для хозяйства. Иногда в гости к соседям – это если праздник, а так с вечера ожидание нескорого рассвета.

Была, правда, лампочка Ильича, которая тогда уже пришла в деревни... И что? К семи вечера все дела переделаны, и чего зря свет-то жечь, он денег стоит. И зима была с октября (когда выкапывалась последняя картошка) по май. Считай, Покров 14 октября был началом зимы. Правда, Покров был в Занино престольным праздником, и у бабушки, как и у всех в деревне, накрывался праздничный стол. И из соседних Давыдовского, Шульгина, Санина и Зыбина шли гости, и всех угощали рюмочкой и добротной закуской. Пели песни, все было чинно, благородно, драки были уже потом, на всяких праздниках урожая, а тогда... Хотя вот я соображаю, а когда же происходили кулачные бои, которые берут начало в еще дореволюционной России? Но это, наверное, отдельная тема.

И все-таки – а как же действительно бабушка проживала эти бесконечные зимние ночи? Радио, телевидение отсутствовали, читать она не умела. Работа? Да, работа по дому, переборка картошки, чтобы не проросла и не загнила, яблоки, мед... А главное – животные. Те, которых кормила она и которые кормили нас. Причем животные настолько к ней привыкали, что никакой Куклачев не сравнился бы с бабушкой в части дружбы людей и зверей. Коты и кошки ходили с ней по деревне, как собачки, а Шарик блестел шерстью так, как ни один породистый пес не выглядит после водно-помывочных процедур в специальных заведениях.

А куры... Бабушка с ними начинала разговаривать, когда их курушка-мать высидывала яйца в курятнике. Да-да, она разговаривала с яйцами, из которых должны были вылупиться цыплята! И птицы признавали в ней президента своего куриного государства. Более того, несучки несли порой двухжелтковые яйца. И нас это нисколько не удивляло.

Корова Дочка была бабушкиной любимицей, и нужно было видеть, как вечером, возвращаясь из стада домой, Дочка летела к ней, чтобы получить кусок черного хлеба с солью и услышать ласковые слова, которые говорились ей и только ей. Корова не подпускала к себе никого, кроме хозяйки, и имела репутацию брухачей (бодливой). Во всяком случае мы, пацаны, обходили ее стороной. Доить себя Дочка позволяла только бабушке. Правда, летом, после длительных «переговоров» с бабой Деней, корова подпустила к себе мою маму. Да и то сначала доили ее в четыре руки.

Я был младшим в доме, и ко мне отношение было точно такое, как к Дочке. Бабушке хватало ласковых слов, чтобы решить со мной все проблемы, и я ее слушался. Меня привозили в Занино в конце мая, и целый месяц я был с ней вдвоем, до приезда мамы и всех остальных.

Баба Деня и хорек

Мне было, наверное, лет семь, когда в нашем доме в Москве я подслушал, как мама и ее подруга обсуждали случай, как какая-то воспитательница детского сада наказала мальчика и посадила его в чулан на весь день. А там крысы отгрызли мальчику уши и нос, и когда горе-воспитательница решила парня выпустить из заключения, то нашла его поседевшим, без носа и ушей. Короче, мама и ее подруга ахали, охали, а потом переключились на другие проблемы и забыли эту историю. А у меня этот случай застрял в голове.

Я приехал в деревню, и мы остались с бабушкой вдвоем жить-поживать. Обычно я спал на печке. Печка – это лучшее ложе из всех, где мне приходилось засыпать. Никакие суперматрасы и эксклюзивное белье не сравнятся с тряпками и одежками, беспорядочно разбросанными на горячих кирпичках русской печки.

Я много путешествую, но последний раз на печке спал, думаю, в одна тысяча, может, шестьдесят девятом. Так вот, чтобы попасть на печку, надо было сначала влезть на хоры. Хоры – это был такой загончик в избе, где жил еще маленький теленок во время холодов, там же выращивали цыплят и поросят, пока стояли морозы. А в барских домах, наверное, это было возвышение, где располагались певчие. Но это я так думаю, а в жизни, при барине, может, все совсем не так было. Короче, когда я отправился спать и влез на хоры, вдруг снизу раздался какой-то звук, будто кто-то ворочает бревно. Я спросил бабушку:

- Ба, кто это?
- Да хорек, наверное, леший его подери.
- А кто это?
- Да зверек такой, коричневого цвета, кур еще таскает.
- А он большой?
- Да, больше крысы, но меньше лисы.

И я рассказал бабушке леденящую историю про мальчика, которому отгрызли нос и уши.

- Ты боишься? – спросила бабушка.
- Боюсь...
- Ты молодец, что говоришь об этом.
- А можно я с тобой лягу?
- Ложись...
- Ба, а если он захочет нам отгрызть нос, как мы будем обороняться?
- Ну я на него закричу.
- А если он тебя не испугается? Давай вооружимся.
- Чем, косой? Здесь косой не размахнешься. Может, нож взять большой?
- Давай положим около кровати, – предложил я.
- Хорошо, а я еще ухват поставлю, чтобы он от нас никуда не убежал.

Так мы и спали с ухватом и ножом в изголовье. Примерно через неделю шумы под хорами прекратились, и я вернулся к себе на печку. А потом уже мне бабушка сказала, что она укрепила бревно, которое хорь или собака пытались отодвинуть, чтобы залезть в курятник.

Баба Деня и пионер

Бабушка... Она одна как-то так воспитывала меня, незаметно для меня самого, не применяя репрессивных мер. И, с одной стороны, в то время, что жил под ее опекой, я рос, как трава, – не чувствовал ее вмешательства в мои дела (она все время пропадала на огороде либо занималась делами по дому и скотиной); с другой, она тем не менее подправляла мое движение по жизни так, что я не сильно отклонялся от курса, заданного мне родителями.

Я привозил в Занино целую библиотеку книг для классного и внеклассного чтения и жил в своем «нарисованном» мире. Но этот мой мир был сильно идеологизирован, и я был примерным пионером, у которого еще не возникало сомнений в правильности курса партии и правительства. Вообще средства массовой информации, кино и книги оказывали на мой незашлакованный мозг огромное влияние. В дни войны на Ближнем Востоке я безоговорочно верил в вероломство Англии, Франции и Израиля в войне не только в районе Суэцкого канала, но и против Советского Союза. Самолеты, которые летали в окрестностях Занина, проводя учения, представлялись мне вражеской армадой. Короче, победив хорька, я готовился отражать агрессию мирового капитализма. Да и пропагандист во мне не дремал – я, как миссионер, нес в массы учение Маркса – Ленина... И неважно, что моими «массами» была единственная слушательница – бабушка, неважно... Я с горячим сердцем вел среди нее агитацию, но она почему-то не поддавалась.

– Ба, а скажи, вот ты при барине жила, когда революция была, ты же помнишь?

– Конечно, помню, мне уже двадцать три было, я уже Нинку родила...

– Так, скажи, при барине ведь хуже жилось?

– Почему-то хуже? Лучше жилось.

– Не, ты не понимаешь...

– Чегой-то я не понимаю?

– Ну, значит, не помнишь...

– Помню я все. Хорошо мы жили при барине, добрый барин был, не обижал нас.

– Да вот ты даже грамоте не выучилась.

– Не выучилась... Дура была, обиделась на замечание учителя, а потом в лесу пряталась и не ходила в школу.

От неожиданного отпора я терялся, не понимая, как можно не разуместь очевидные вещи. Баба Деня тоже не спешила обращать меня в свою диссидентскую веру, и мы отходили на свои рубежи, лениво перестреливаясь.

В следующий раз я уже выступал в роли пламенного пионера-атеиста и напал на иконы с лампадкой, висящие в красном углу. Бабушка, не вступая со мной в кровопролитные сражения, как-то очень мудро уходила от моих наскоков, гася мою пропагандистскую дурь доброй улыбкой.

Нужно сказать, что она не посещала церковь и службы... Не знаю, как было бы, если бы в Занино был храм, но фанатизма по отношению к религии в нашей семье не наблюдалось, хотя и богохульство не позволялось тоже. Больше того, однажды я услышал от бабы Дени фразу, которая (я уже был взрослым и довольно начитанным парнем) меня поразила:

– Знаешь, Славка, Бога, наверное, нет... Если бы он был, то разве мог бы допустить войну? И потом, что же я-то так всю жизнь мучаюсь? Счастливые денечки-то по пальцам можно пересчитать.

– Не знаю, ба, – в растерянности ответил я. Пускаться в длинные рассуждения не хотелось. Да и не ждала она от меня ответа. Это было продолжение какого-то ее внутреннего монолога.

Баба Деня и переезд в Москву

Время шло, бабушка не молодела... Все тяжелее давались зимовки в Занино. Деревня пустела, народ разбегался по окрестным городам в поисках лучшей доли. «Мудрое» руководство Хрущева, путившего под нож домашнюю скотину, сделало жизнь еще более «сладкой». И все чаще в нашем доме велись разговоры, что надо продавать дом в Занино и забирать бабушку в Москву. Мы в Москве стали жить в финансовом смысле повольтотнее – сестра выросла, вышла замуж и жила отдельно, отцу повысили зарплату, да и я поступил в институт и мог претендовать на стипендию. Так что худо-бедно...

И вот со слезами на глазах бабушка соглашается на переезд к дочке в столицу. Нашелся покупатель на дом, сделка купли-продажи прошла успешно – дом отошел в хорошие руки и до сих пор принимает в своих стенах московских и тульских родственников новых хозяев. И я, когда попадаю в Занино, с нежностью смотрю на старое жилище бабы Дени, тем более что липка около дома, хотя и изрядно подсохла и потеряла часть ветвей, все еще стоит на посту, как верный часовой.

Была осень, яблоки и картошку убрали. Родители предложили раздать урожай деревенским, но бабушка наотрез отказалась... Она сказала, что надо все это продать, потому что на эти деньги она сможет прожить целый год. В итоге картошку и яблоки мы продали на Центральном рынке в Москве, и бабушка получила деньги, приплюсовав их к средствам, вырученным за дом, а мы с сестрой и отцом получили бесценный опыт, проторговав на колхозном рынке полтора дня.

Наше понимание, как баба Деня будет жить в Москве, что есть, что пить, во что одеваться, никак не совпадало с тем, как это понимала она сама. Привычка жить самостоятельно и ни от кого не зависеть привела ее в размышлениях к тому, что она высчитала (не знаю, правда, какими действиями арифметики при этом пользуюсь), сколько денег можно потратить на себя в месяц. А в ее бюджет входила еще пенсия, которую платило наше государство колхозникам. А пенсия была «громадная» – аж 4 рубля 80 копеек в месяц. Так вот, ее богатство состояло из денег, вырученных с продажи дома, урожая и ежемесячной пенсии. Правда, вычисляя свою норму трат, неясно, сколько времени бабушка отпустила себе для жизни. Так или иначе, но сумма, которую Евгения Никитична могла позволить себе проесть и пропить (имеется в виду чай; ничего спиртного она себе не позволяла), составляла 9 рублей 26 копеек в месяц!

Она тщательно высчитала, сколько можно съесть хлеба, сахара, чая, иногда мяса. И первые месяца три или четыре ее с этих позиций сдвинуть было невозможно. Лишь потом уговорами и обманом мы сломили упорство бабушки, которая не хотела собой никого обременять. Финансирование такой статьи расхода, как приобретение одежды и обуви, бабой Деней не рассматривалось. В общем-то она и не хотела тратить денег на это. У нее все было. Даже одежду, которую одевают в последний путь, она приготовила. И с этой одеждой иногда происходили нестыковки. Раз в полгода бабушка производила ревизию своего траурного костюма и с удивлением обнаруживала, что он стал ей велик. Евгения Никитична сердилась, обвиняла темные силы, что одежду ей подменили, отказываясь верить, что с годами она худеет.

А еще... Еще во времена жизни в Занино у нее была мечта купить себе полушубок черного цвета, приталенный, сшитый, я думаю, из меха крота. Эта телогреечка имела у самых богатых и успешных модниц деревни, и приобрести ее ну очень хотелось. Сначала мы жили так, что сами с трудом сводили концы с концами, а когда появились какие-то свободные деньги и возможность сделать что-то приятное для бабы Дени, этот наряд куда-то пропал

из магазинов. Может, всех кротов истребили... И бабушка так и не получила от нас такого желанного подарка...

Уже после того как она ушла, в Биробиджане, гуляя по улице, я встретил крестьянку, явно еврейского происхождения (почти как в анекдоте), одетую в кротовое манто. Я спросил, где такое можно купить, и мне показали заветный магазин, но бабы Дени уже не было... Кроты, да и я так и не смогли ее порадовать...

Баба Деня и телевизор

Бабушка очень обижалась, когда в Москве ей не позволяли мыть посуду и пол, стирать... А мы просто жалели ее.

– Что ж, я уже совсем ни на что не пригодная, что ли? – спрашивала она.

Привыкшая к труду, она явно тяготилась своим праздным, как ей казалось, образом жизни, когда не знала, чем заняться. Два или три раза она съездила в Занино, но, кроме грусти, других впечатлений эти поездки у нее не рождали.

Мы жили на пятом этаже в доме без лифта, и поначалу она спускалась во двор. Но подружек себе так и не завела, поскольку мир ее интересов сильно отличался от быта ее сверстниц из Москвы. А потом заболели ноги, и она уже не спускалась с пятого этажа совсем.

Развлечением для бабушки были гости семьи и персонально мои дружки, которые часто заходили ко мне. Если родителей еще не было дома, то это был день бабы Дени – она нас кормила, поила чаем, а потом еще и выходила на лестничную площадку, когда ребята шли покурить, а я брал гитару, стул и самозабвенно пел в подъезде. Ох, как звучали мои песни, спетые у дверей квартиры № 59 на пятом этаже! Естественная реверберация подъезда затоптала бы любой фирменный прибор поздних времен, используемый для обработки звука нынешними музыкантами.

А вечерами мы пытались подсадить бабу Деню на массовую культуру... Вся семья начинала зазывать ее посмотреть телевизор, но ни фильмы, ни «Клуб кинопутешествий», ни «В мире животных» не смогли победить консерватизм Евгении Никитичны.

– Что мне на них смотреть? Если б они мне Игната показали или Ньюрку-бригадирку, а так...

Однажды, зайдя в комнату с телевизором, она увидела там оперу, где тетка с вытаращенными глазами, прижимая руки к полной груди, что-то голосила.

– И за что им только деньги платят? Их всех бы клевер стоговать отправить, больше бы пользы было.

А как-то раз в доме случилась «трагедия»... Бабушка уже никуда не выходила из квартиры и была узницей тюрьмы по имени «Москва». Стоял солнечный день – солнышко, ярко сверкающее за окном, отражалось от стекла серванта и попадало на экран новенького, недавно купленного телевизора. На экране горел яркий зайчик, так похожий на зарождающийся огонь в печке ее деревенского дома. Посоветоваться было не с кем, пожаловаться тоже – все были на работе и в школах. И баба Деня решила бороться с «пожаром» самостоятельно. Было вылито несколько кастрюль воды на цветной широкоэкранный «Рубин». Что интересно, «пожар» был потушен – солнышко зашло за тучи. А вечером случилась гроза: отец вернулся, и стоило больших усилий успокоить разбушевавшуюся стихию гнева кормильца семьи.

И все-таки я помню один случай, когда бабушку удалось усадить к телевизору. В тот вечер показывали КВН, и я в составе команды МИИТа участвовал в съемке программы. Было домашнее задание – сочинить песню о трудовом подвиге комсомола... И мы вместе с поэтом Р. Плаксиным придумали:

Под тихий звездный шорох
Хлеба растут быстрей.
И шепот всех влюбленных
При звездах горячей.

Дадим друг другу руки,

Нам день сияет вновь.
Под стать большой работе
Высокая любовь...

Неплохая песня получилась, и мы ее даже с успехом пели в своих концертах. Но, видно, веселости и находчивости в ней было маловато, и, чтобы увеличить процент содержания этих компонентов в песне, в нее включили танец. Парень и девушка вдохновенно изображали красками танца трудовые будни и делали это так ярко и незабываемо, что певцов практически не показывали. Баба Деня, сидя у экрана (все это передавали в режиме живого эфира и поэтому веду пересказ со слов сестры), прокомментировала увиденное следующими словами:

– И чего эта вертихвостка в экран все время лезет – малóго загоразживает!!!

Чудная чудная баба Дня

Описывая чудачества своей бабушки, я невольно задумываюсь, что сам стремительно приближаюсь к возрасту ее геройств. Кровь, текущая в моих жилах, несет и ее гены, и каких тараканов буду я сам разводить и гонять, еще неизвестно. А жить-то хочется, и чувствовать себя нужным тоже, и о возрасте задумываешься не в первую очередь. И баба Дня жила и утверждала себя в нашей семье.

Моя сестра в очередной раз вернулась с юга и должна была привести к нам в дом кавалера, который с большой степенью вероятности мог стать ее новым мужем. Нонне было уже тридцать два, а ухажеру сорок пять. Впоследствии все у них сложилось удачно, они женились и сестрица родила долгожданную дочку. А тогда переполох в доме был значительный – что-то ставилось на стол, доставались какие-то дорогие, специально для такого случая припасенные напитки.

Бабушка тоже участвовала во всеобщей суете и нарядилась в праздничную одежду. Наконец раздался звонок, и в квартиру вошли Нонка и кандидат в женихи. Он был высок, красив... Лысина, венчавшая его голову, как раз украшала и не вызывала сожалений. Запомнилось сразу, что глаза были разного цвета – один коричневый, другой голубой. Не знаю, что это значит в физиогномике, но это рождало какое-то полутревожное, полуллюбопытное чувство. Время взаимных приветствий прошло, и начался ни к чему не обязывающий треп о море, о футболе и еще бог знает о чем. Бабушка всю эту прелюдию была на кухне и, когда я туда зачем-то заскочил, спросила меня:

- Славк, а как малóго-то зовут?
- Игорь Николаевич.
- А как ты думаешь, хорошо будет, если я приду и с ним поздороваюсь?
- Конечно, ба, все тебе будут только рады.

Я ушел к столу и забыл о нашем диалоге. И вдруг в комнату со стороны кухни, сложив в лодочку ладонь и вытянув ее (думаю, еще на кухне) вперед, как быстроходный катер, влетает бабушка.

- Доброго здоровьичка, Игорь Миколаич!
- Здравствуйте, Евгения Никитична, – сказал Игорь и поцеловал бабе Дене руку. Все рассмеялись, и дальше застолье и беседа шли уже в расслабленном режиме.
- Внучок, – обращалась бабуля к жениху, – ты подкладывай, подкладывай.
- Спасибо, все очень вкусно.

И я удивлялся, слыша это «внучок». Игорь Николаевич, по моим, тем еще, понятиям, уже на него не тянул. И как потом было грустно, что в мои сорок пять меня внучком никто не называет...

А я учился в институте, и привычная система «аврал» помогала мне сдавать экзамены и зачеты и в последнюю минуту доделывать очередную курсовую работу.

- Милый, что ты не спишь, все учишься, учишься?
- Ба, надо доделать проект...
- Ложись, утром доделаешь. Хочешь, я тебя разбужу. Утром дело спорится.

– Да, ба, ты права. Лягу я, пожалуй, спать. А ты разбуди меня в шесть утра, а то я будильнику не доверяю.

- Спи, разбужу.

И я, минуя «подготовку ко сну», через минуту уже спал. Проснулся от того, что кто-то меня толкал в плечо.

- Что, ба? – спросил я, еле открывая глаза.
- Славка, во сколько тебя будить? А то я забыла.

– В шесть.

– Ну, спи, спи.

И я снова легкомысленно заснул, правда, ненадолго.

– Милый, ты спи, спи, еще только два часа ночи.

– Ба-а-а, – стараясь не раздражаться, ныл я из-под одеяла.

Я снова отошел ко сну, но не тут-то было...

– Славка, ты спи, спи... Не беспокойся, я помню, что тебя надо будить в шесть.

Слава Богу, следующая побудка была уже именно в шесть. Но я не злился и отдавал должное обязательности бабы Дени.

В восемь утра, когда все уже расходилось по работам, школам, институтам, бабушка оставалась одна. Чем она занималась в квартире? Наверное, копошилась по хозяйству, а главное – ждала нас. Нам к тому времени (а квартира была еще новая) провели телефон, и я научил бабушку, как звонить ее сестре Варьке и еще одной ее подруге Польке Кондратьевой.

Телефон у нас был спаренный с соседским, и блокиратор стоял в прихожей нашей квартиры. Когда соседи общались по телефону, при снятии трубки в нем раздавался громкий щелчок, этот же щелчок раздавался при отбое. А если с соседского телефона пытались позвонить, то щелкало довольно часто и надоедливо.

– Славка, вот вы уходите, а около дверей в прихожей кто-то все время стучит.

– Да никто там не стучит, ба.

– Не стучит, не стучит... Стучит! Не сегодня-завтра стену проломают и залезут в квартиру. Что тогда делать?

– А давно стучит-то?

– Да уж порядочно.

И в это время соседи решили позвонить. Блокиратор послушно щелкнул. И я понял, где истоки бабушкиных фобий, и снял синдром ее страха.

Я уже говорил, что бабушка не любила оставаться одна. Так вот, если кто-то приходил в дом, то все ее гостеприимство выдавалось на-гора. В те годы я уже интересовался девушками и, переступив грань стеснительности, приводил их домой, используя разные предлоги. Мы даже уединялись в отдельной комнате, где предавались скромным, а иногда и смелым плотским радостям. Бабушка чувствовала себя на коне и через промежутки времени стучалась к нам с предложением откусать чайку, съесть селедочки и полакомиться конфетами.

А однажды в дом к нам пришла моя школьная учительница по английскому языку. Юлия Михайловна хотела взять у меня послушать какой-то диск битлов.

– Как тебя зовут, милая, – спросила баба Деня в прихожей нашу гостью.

– Юля, бабушка.

– Ты проходи, проходи, не стесняйся, Юленька.

– Да я не стесняюсь, спасибо.

– Раздевайся, вот комната, вы там со Славкой музыку послушайте, я вам чайку организую. Можете полежать, я вам мешать не буду.

Юлия Михайловна развеселилась и, раздевшись, прошла в комнату, где у меня располагалась звуковая аппаратура. И конфетки с чаем очень были кстати при прослушивании «A hard day's night». Томным вечер не получился, но настроение у нас улучшалось при каждом появлении нашей «свахи»...

Как-то раз, возвращаясь из института, я обнаружил, что забыл ключи от квартиры.

«Ничего страшного, бабушка дома, она мне откроет», – подумал я.

Я поднялся на пятый этаж и позвонил в дверь. В те годы понятия «рингтон» не знали, и звонки телефонного аппарата были похожи на звонок в квартиру с лестничной площадки. За дверью была тишина... Я еще несколько раз нажал на кнопку. Наконец за дверью началось какое-то движение, и я услышал бабушкин голос:

- Слушаю, кто это?
  - Бабуль, это я, Славка.
  - Кто ты-то, милый?... Что-то гудит, ничего не пойму.
  - Да это я, Славка, внук твой.
  - Славки нет, ушел Славка; одна я здесь... Посадили, как собаку, на пятом этаже, охраняй их добро.
  - Бабуль, да я здесь, за дверью, ключи забыл, открыть не могу.
  - И что меня черт понес в эту Москву... Сидела бы да сидела в Занино, а тут все гудит, стучит, еще этот телевизор. Прибрал бы меня Господь, что ли, скорей.
  - Бабуль...
- Наконец она мне открыла, я вошел в квартиру, и она вместе со мной смеялась над своей «дурью» и «дурью» московской жизни.

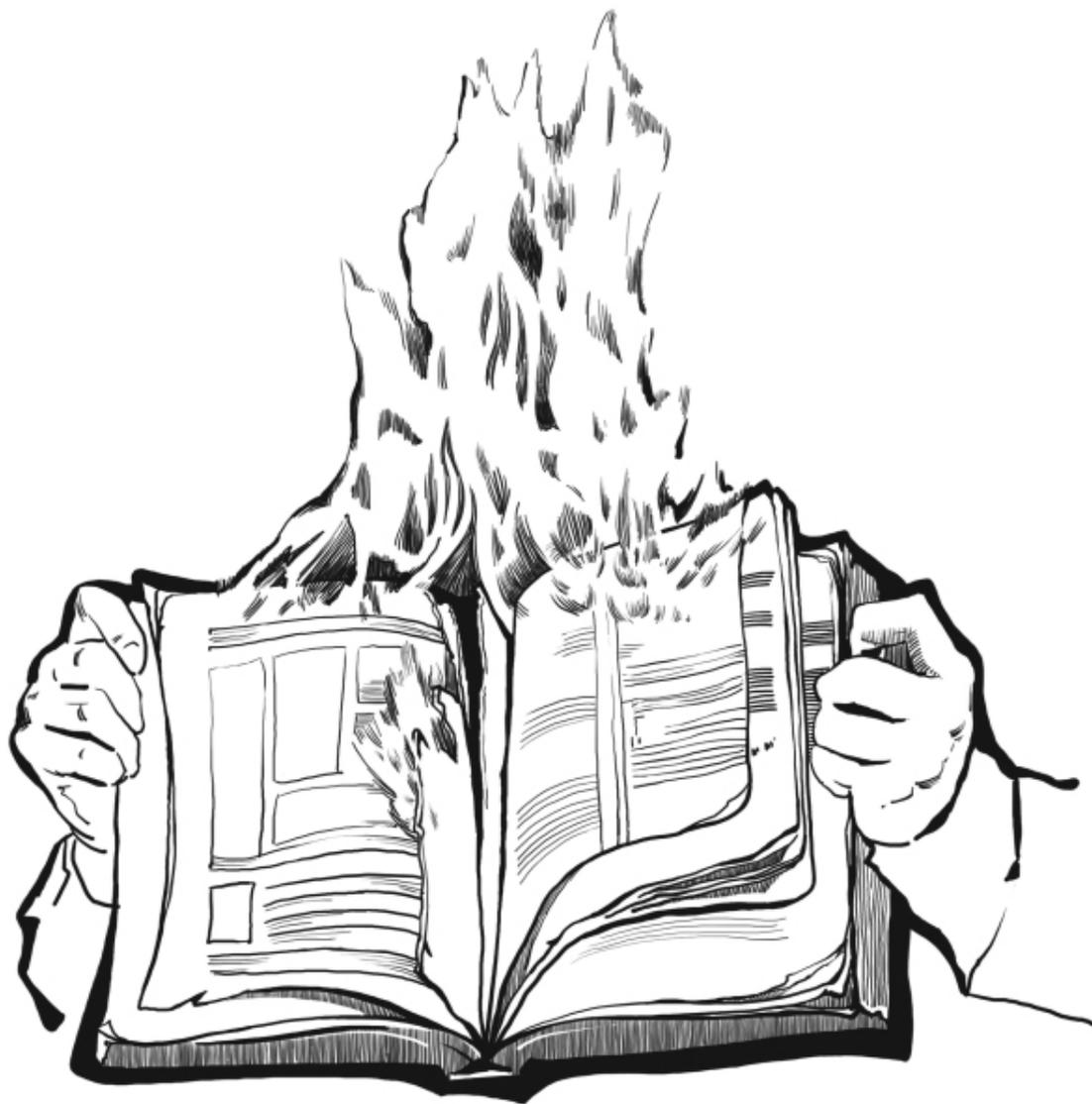
* * *

Ушла бабушка тихо. Заболела и, не доставляя хлопот окружающим, тихо-тихо ушла. Я думаю, если рай есть, то она сейчас там...

В день ее кончины я был с «Веселыми ребятами» в Иркутске, и родители даже не сообщили мне о ее смерти. Наверное, пожалели меня, а может, не хотели срывать с работы – Иркутск так далеко, что я бы мог и не успеть проводить бабу Деню в последний путь. А она даже в такой час стремилась никому не причинять неудобств.

Евгения Никитична Петрова лежит на Хованском кладбище рядом с моими родителями. И когда я прихожу их проведать, невольно улыбаюсь, глядя на ее фотографию на памятнике...

Волки и телки

I

Алексей Гусятников был моложе меня лет на десять, но в силу моей привычки дружить с более молодыми людьми, чем я, эта разница в возрасте практически не ощущалась. Он был менеджером среднего звена и, как мне казалось, не очень печалился успехами окружающих его приятелей. Карьера Алексея не очень увлекала. Денег на игрушки – игрушки взрослого мальчика – ему хватало, и он со своими «Ленд Крузером», «Ауди», моторной лодкой – не яхтой, конечно, но вполне быстроходной – очень даже вписывался в окружающий его «ландшафт».

Недавно Леха купил себе снегоход, и предстоящая зима и зимняя охота грели его душу. А охота была для него основной страстью, с которой не могли сравниться ни женщины, ни футбол, ни тусовки с их бессмысленным времяпрепровождением. Хотя охота без выпивки после тяжелого дня тоже смотрелась неполноценно. А женщины? Если их выписать из близлежащего города, да еще не тратить на них силы, ублажая разговорами и бессмысленным ухаживанием, почему нет... Пусть будут. А если телка еще и сама на тебя спикирует, то это вообще высший пилотаж – ты становишься таким «сегодняшним» героем, и твои «ходовые достоинства» шумно обсуждаются наряду с достижениями зарубежных автопромов.

А Гусятников был привлекателен как мужчина, и женщины, а они тоже выходят на охоту и хвастаются в своем кругу победами над мужиками, часто смотрели на него призывными взглядами. Но Алексей был ленив до баб и позволял сделать это с собой, если его уложили в кроватку, предварительно с ним повыпивав и позакусывав. Может, я буду дерзок в оценке своего героя, но посмею предположить, что и на поле «любовного боя» Алексей не очень маневрировал и не старался удивить противника неожиданными тактическими ходами. Про любовную стратегию я и вовсе умолчу. Но чаровницы его любили и, делаясь друг с другом впечатлениями о прошедшей ночи, сравнивали Гусятникова с актером Александром Домогоаровым:

– Красив, сволочь, – обращаясь к своей товарке, говорила очередная девушка в очередном охотничьем домике. – И как ему идет эта небритость!

– А как он в деле?

– Знаешь, я, вопреки расхожему мнению, сегодня любила не ушами, а глазами. Тем более что он все делал молчком.

Но Алексей был еще истинным мастером в устройстве нарядного стола, где водочка соседствовала с пивком и шампусиком для девчонок. Если удавалось добыть дичь или свежую рыбу, то, приготовив их на костре, Леха художественно сваливал дичь на блюдо, и потом компания все это шумно и весело поглощала. Он был в этом художником и наполнялся настоящим вдохновением, предвкушая застолье. Глаза его влажнели, лицо покрывалось испариной, и Гусятников становился прекрасным, как профессионал, занимающийся своим любимым делом. И я думаю, для него понятие «охота» подразумевало под собой не только отстрел и выслеживание дичи, но и всю суету по заготовке продуктов, устройству банкета и бани в охотничьем домике. В общем, это тоже охота.

Однажды Гусятников уговорил меня поехать с компанией его друзей в Осташков, на озеро Селигер, где у них была «прикормленная» гостиница. У меня в тот день был в Осташкове концерт, и я, никогда прежде не бывавший на Селигере, решил посмотреть на красоты верховьев Волги. Алексей заехал за мной, и мы на его «крузере» рванули в сторону озера. Через полчаса были на месте. Отель, как бы сказали репортеры, гостеприимно распахнул свои двери, и мы вошли в банкетный зал, где уже был накрыт стол, не оставлявший сомнений, что «свадьба» может крепко принять на грудь. Застолье плавно перетекло в «корпоратив», и я пел больше двух, а может, и трех часов, прерываясь на тосты и приветствия все

подъезжающих новых охотников. Становилось страшно за уток, которых приехали пострелять стаи людей с ружьями. А мой репертуар был с явным креном в рок-н-ролл. Суровые с обветренными лицами мужские особи явно не были склонны к сантиментам.

Примерно в полвторого ночи провели маленькую конференцию о «кривой проституции» в Осташкове и единогласно решили, что в этом городе с этим пороком покончено раз и навсегда и смысла нет ехать в город за «телками». А в три часа «усталые, но счастливые» мы разошлись по номерам. Мне хватило сил принять душ и после этого упасть и мгновенно уснуть.

Но сон мой был недолгим. В полпятого (я взглянул на часы) меня кто-то ласково похлопал по плечу. Я открыл глаза – передо мной на стуле сидел мужик в штормовке и сапогах. У него в руках была непочатая бутылка «Смирновки». Увидев, что я проснулся, гость начал откупоривать бутылку, стаканы уже стояли на столе.

– Слава, извини, я опоздал к вам за стол, но я никогда себе не прощу, если не выпью с тобой за твое здоровье. Под твою «Мозаику» прошла вся моя служба в армии.

Понимая, что сопротивление – это бесполезная трата времени и сил, я присел на кровати, закутавшись в одеяло. Выслушав тост, я пригубил водки, и, извинившись, рухнул в свой сон.

А в восемь утра пришел Гусятников.

– Слава, я пока не спустил катер на воду, поэтому отправлю тебя на экскурсию к истокам Волги, там построили чудесную церковь, вроде Лужков ее сделал.

– На какую экскурсию, с кем? – обалдело спросил я.

– А тут дирекция одного из заводов Электростали приехала пострелять уток. Так у них свой автобус, через десять минут они отъезжают. Ты едешь?

– Ну, раз я здесь, то, конечно, еду.

Наша экскурсионная группа загрузилась в «Кубань», и мы тронулись в путь. Я, много раз видевший выпивающих людей, даже не предполагал, что за пятнадцать минут можно так напиться. А именно столько длился наш маршрут до церковки «имени Лужкова». Пока я любовался на красоты окружавшей нас природы, начальник экспресс-режима выпивал. Красота в тот раз не спасла мир. Из автобуса трое натурально выпали, остальные вышли, поддерживая друг друга под руки. Самый трезвый из компании поинтересовался, давно ли я был в Электростали и не хочу ли с концертами посетить их славный город. Договорились обсудить это в гостинице за «столом переговоров».

Природа была прекрасна и почти первозданна. Очень похожие чувства, я имею в виду воздействие окружающей среды на меня, я испытывал на Байкале и Алтае. Возможно, мои новые друзья протрезвели бы значительно быстрее, чем в Москве (экология, то есть чистый воздух, способствовала бы этому), но они продолжали добавлять. После экскурсии весь автобус можно было бы везти в вытрезвитель, но мы приехали в наш отель, где вся электростальская компания расплзлась по номерам.

Гусятников уже ждал меня на берегу с каким-то усатым мужиком с ружьем. Новый персонаж был с утра вмазанным и приветливо заулыбался мне.

– Сорокин, Олегом меня зовут, – представился усатый.

– Слава, лодка на воде. Сейчас мы тебе покажем Селигер с воды, и ты прикоснешься к таинству охоты, – сказал Гусятников.

Я смиренно вздохнул и шагнул в сторону лодки. На дне ее спал еще один охотник, подложив под голову приклад ружья.

– А это кто еще? – спросил я, понимая, что не все эпизоды вошли в фильм про особенности национальной охоты.

– Так это Володя. Он напротив тебя вчера сидел и про Апину тебя доставал, помнишь?

– А чего он не спит в доме?

– Не-е... Он здесь не спит, он здесь досыпает. Вот когда дойдем до места, я его разбужу, – ответил Леха.

Меня посадили на скамейку где-то ближе к корме лодки. Позади меня с ружьем расположился Сорокин, Гусятников – у руля, а на дне валялся бесхозный Володя. Наверное, ему снилась Апина, которая пела песню про его друга Леху.

Гусятников очень гордился своим катером, только что купленным и прошедшим обкатку на Селигере. Лодка была не супер-пупер, но шустрая и очень хотелось продемонстрировать ее ходовые качества перед важным артистом. Погода благоприятствовала прогулке... Но это была еще и охота, и ружье у Сорокина было заряжено. Мелкая рябь покрывала воды озера; Леха Гусятников выжимал из лодки максимум скорости; тремоло ударов сиденья катера по моей заднице было столь интенсивным, что могло сравниться с изощреннейшей китайской пыткой. Сорокин стоял с заряженным ружьем за моей спиной, готовый сбивать уток влет. Лодка на скорости врывалась в заросли водных растений, тормозя так резко, что Олег падал с ружьем на меня. Я с ужасом ждал рокового выстрела. На мой призыв умерить страсть в охоте, я услышал в ответ покровительственное:

– Не бзди, гитарист, не впервой.

Наконец, после одного из самых резких торможений Сорокин перелетел через мою лавку и наступил на спящего Володю. Володя мгновенно проснулся и попытался вскочить, хватаясь за ружье. Я приготовился к смертоубийству, но Гусятников какими-то словами умирил потенциальных дуэлянтов.

Лодка взяла курс к берегу, к гостинице. Я начал искать повод, чтобы срулить в Москву.

– Ну что, достали мы тебя? – спросил Леха на берегу.

– Достали, но я попал и поздно чирикать.

– Ладно, сейчас приедет Лахтер, и можешь с его шофером рвануть в Москву. А я пойду поймаю тебе каких-нибудь подарков, ты же не можешь домой ехать с пустыми руками. Ты же на охоте был...

И Гусятников пошел куда-то, чтобы решить проблему охотничьих трофеев для меня. А я отбыл в свой номер собрать нехитрый скарб. Приехал Лахтер. Мы с ним были знакомы шапочно, и я сделал вид, что не услышал его приезда. Как с ним познакомился Леха, я не знал. Думаю, что через свою жену Людмилу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.